

*Фрагменты избранных басен**«Кошка и Лисица» (1773)*

...Подобно как Улисс с Аяксом в споре был,
 Подобно Кошка так имела спор с Лисою,
 Но, кошка, ты в сей день вознесена судьбою,
 И ваше счастье измерил уж Зевес:

Во преисподнюю лисицино упало,
 И мышеловкино взошло на верх небес.

... Спасаться из беды – бери один совет.

И, к многим ты не прибегая,
 Но постоянен лишь в едином пребывая,
 Мужайся, не страшись, бреги его ты след.

[Русская басня 2007: 427-428].

«Облако» (1773)

...Туман мой с ветром сговорился
 И скоро на небе явился,
 Свою пренебрегнувши мать.
 Таков Икар, презрев Дедала,
 Где днёвная звезда блистала,
 Туда направил свой полёт.
 Но как же облако ошиблось!
 Оно упало вниз, расшиблось
 И дало всем, что есть, совет:
 Себе раненько не вверяться
 И за высоким не гоняться

[Муравьев 1967: 61]

К.С. Антонова

Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет

У истоков писательского мифа: М.Н.Муравьев о А.Д.Кантемире

«Каждая эпоха обладает своими представлениями о герое времени – в плане идеальном и реальном; это представление есть представление эпохи о самой себе» [Ельшевская 1984: 106]. Эпоха Просвещения стала временем подъема общественного самосознания, философской мысли, расцвета искус-

ства. Поэтому общественным идеалом эпохи Просвещения становится живой и, что самое главное, мыслящий человек.

Так, безусловно, одним из героев своей эпохи был и Антиох Кантемир. А.Кантемир, будучи молодым, восторженно отнесся к просветительским преобразованиям Петра I, но, тем не менее, не мог оставаться в стороне от злободневных проблем. Новый взгляд на светскую европейскую культуру, который сформировался непосредственно со стремительным проникновением нового идейного течения Просвещения в страну, основанную на иных, религиозно-философских, принципах, совершил коренной перелом в сознании русских людей. Такой необычайно сильный переворот в культурной жизни был с восторгом принят и поддержан молодой общественностью. Являясь по самой сущности своей просветителем, Кантемир чутко воспринял дух эпохи Просвещения.

Эпоха Просвещения в целом и личность Кантемира с его просветительскими идеями, выраженными в литературном творчестве, оказали большое влияние на многих общественных и литературных деятелей России и не только. Н.М.Карамзин, размышляя об А.Д.Кантемире, отмечал, что «...самые просвещенные иноземцы чувствовали цену его ума и нравственных достоинств» [Карамзин 1848: 578].

Несомненно, каждый, кто оставил свои отзывы о Кантемире, оценивая его с высоты своей личности и времени, отмечал в нем то, что считал для себя наиболее важным и ярким в личности поэта-просветителя.

О творчестве А.Кантемира восторженно отзывались И.И.Дмитриев, Г.Р.Державин, Н.И.Гнедич, Н.М.Карамзин, также о Кантемире оставили свои исследования В.А.Жуковский, К.Н.Батюшков, В.Г.Белинский. Нам подробнее бы хотелось остановиться на одном из эпизодов произведения М.Н.Муравьева «Разговоры мертвых» и его эпитафии «Князю Антиоху Дмитриевичу Кантемиру». Но для того, чтобы в полной мере раскрыть всю ценность строк М.Муравьева об А.Кантемире, необходимо обратиться к впечатлениям, оставленным другими авторами.

Одним из первых, кто отозвался на I сатиру Кантемира, был Ф.Прокопович. Вот что он написал в ответ князю Кантемиру:

Не знаю, кто ты, пророче рогатый,
Знаю, коликой достоин ты славы.
Да почто ж было имя укрывати?
Знать, тебе страшны сильных глупцов нравы.
Плюнь на их грозы. Ты блажен трикраты.

Конечно же, будучи одним из самых выдающихся деятелей петровской эпохи и реформатором¹, Ф.Прокопович, в первую очередь, отмечает в Кантемире его пророческую сущность, которая проявлялась в обличении пороков как общественных, так и людских, при этом Кантемир не говорил абстрактно о пороке, а конкретно указывал на то, с чем не мог смириться:

Гордость, леность, богатство — мудрость одолело,
Невежество знание уж местом посело;
То под митрой гордится, в шитом платье ходит,
Оно за красным сукном судит, полки водит.
Наука ободрана, в лоскутах обшита,
Из всех знатнейших домов с ругательством сбита

[Кантемир 1988: 20]

Мгновенный отклик Ф.Прокоповича на I сатиру А.Кантемира обрел долгую и плодотворную жизнь. Так, спустя век – в XIX столетии о Кантемире напишет Виссарион Белинский («В сатирах Кантемира говорится о том, что у всех было перед глазами»), а в XX веке – о.Александр Мень.

Во взглядах на личность и творчество А.Д.Кантемира можно выделить несколько уровней рецепции.

Многие писатели и деятели культуры видели нередко в Кантемире в первую очередь поэта-сатирика. Так, наследуя представления Феофана Прокоповича, ярко выразил свое мнение о Кантемире как о сатирике Г.Р.Державин:

*Старинный слог его достоинств не умалит.
Порок! Не подходи: сей взор тебя ужалит.
Эти строки стали своеобразным итогом общего мнения русских писателей к концу XVIII столетия.*

Н.И.Гнедич оставил свою надпись к гробу А.Кантемира:

¹ Подробнее – см. монографию известного современного литературоведа О.М.Буранка: [Буранок 2005]

Порочный, не смей подходить к сей гробнице:
 Твой бич, Кантемир здесь лежит.
 Ты ж, добрый, к могиле приникни спокойно
 И, если захочешь, усни.

Отмечая в Кантемире талант яркого поборника пороков, поэт XIX века говорит в своей эпитафии еще и о том, что доброму человеку не страшен Кантемир, он сможет уснуть спокойно у могилы великого русского писателя. В подтверждение правильности этой мысли можно привести слова самого А.Кантемира: «Внутреннее спокойство человека есть главное в жизни сей счастье» [Кантемир 1988: 7].

Глубже и многограннее смотрели те, кто видел в Антиохе Кантемире показательный феномен моралиста-мудреца.

Хотелось бы в этом плане отметить мнение поэта И.И.Дмитриева. Иван Дмитриев в силу того, что был не только русским литератором, но и государственным деятелем (член Государственного совета и министр юстиции), наряду с тем, что обратил внимание на выдающиеся заслуги Кантемира в области литературы, смог и по достоинству оценить его дипломатическую деятельность:

Но только ль что в стихах он разумом блистал?
 Не меньше он и тем хвалы достоин стал,
 Что дух в нем мудрого министра находился:
 И весь британский двор политике его дивился.

Как видим, здесь личность Кантемира рассматривается уже и в обширном историко-политическом плане.

Д.Д.Благой заметил, что «... борьба за просвещение носила подчеркнуто патриотический характер, она велась ... за создание и развитие русской национальной культуры» [Благой 1985: 80]. Кантемир, хотя по происхождению своему был не русским, проникся русской сущностью, русской культурой и жизнью настолько, что, в отличие от европейских просветителей, которые, призывая общество к демократическим свободам, гуманизму, приоритетным и главенствующим ставили рационалистические доказательства, центром своего мировидения сделал близкие и родные русскому народу религиозно-нравственные идеи.

Стремление А.Кантемира увидеть корни истории и зла в ней характеризует его не иначе как пророка. Вообще, по своим убеждениям и мыслям писатель удивительно походит на пророков Ветхого Завета. Обратим внимание на Ветхозаветный сюжет, повествующий о произнесении Моисеем пророчества, когда он с израильтянами перешел Ханаан. А.Мень пишет об этом следующее: «Он не восхвалял народ, а обличал его. Он обличал его, как любящий отец обличает пороки сына» [Мень 2002: 94]. Кантемир, неся правду, воспитывая свой народ, нередко обращался с этими благородными целями к непререкаемому авторитету русского народа – к Священному писанию. Показательными в этом плане являются и многочисленные религиозные мотивы в творчестве Кантемира, которые находят свое отражение в различных жанрах: и в переложениях псалмов, и в песнях, и в эпиграммах. Обращаясь и к общим с европейскими мыслителями идеям Просвещения, Кантемир опирался не только (а подчас – и не столько) на разум, сколько на сокровенные духовные чувства и веру. Нельзя здесь забывать и тот факт, что, будучи еще совсем юным, Кантемир составляет первую в истории российской библеистики «Симфонию, или Согласие на боговдохновенную книгу псалмов царя и пророка Давида». А.Мень, указывая на подлинную значимость симфонии, писал, что труд Кантемира «...надолго стал ценным справочником для русских богословов» [Мень 2002: 29].

В литературной культуре возникает представление о житийной святости Антиоха Кантемира. Еще Феофан Прокопович пророчески пишет о поэте: «блажен трикраты», в то же время говоря и о том, что Кантемиру не приуще земное счастье, люди его не понимают и нередко гонят, но при этом он, молодой писатель России, напитан счастьем невидимым, счастьем небесным:

Пусть весь мир будет на тебя гневливый,
Ты и без счастья довольно счастливый.

Восторженно относился к личности Кантемира и В.К.Тредиаковский, один из не оцененных и поныне оригинальных религиозных философов и писателей русской литературы первой половины XVIII века, видя в Антиохе

Димитриевиче своего прямого предшественника, единомышленника и некую высшую поддержку.

Завершает картину эпитафия Н.И.Гнедича, который пишет о могиле Кантемира как об утешении для праведника:

Ты ж, добрый, к могиле приникни спокойно
И, если захочешь, усни.

Обращаясь к эпитафии, написанной памяти А.Д.Кантемира М.Н.Муравьевым, нельзя не заметить, что и Муравьев выстраивает житийную парадигму «святого пророка».

Муравьев начинает с того, что пишет о трудном детстве будущего писателя, о детстве, наполненном испытаниями и одиночеством:

Сей, в лоно русских муз младенцем восприят,
Родителя был изгнания наследник

[Муравьев 1967: 168]

Отец Антиоха Кантемира, Димитрий Кантемир, был сторонником освобождения Молдавии от турецкого владычества и присоединения ее к России, поэтому в 1711 г. он был вынужден бежать с семьей в Россию. А.Д.Кантемира тоже, как и отца, настигла участь изгнанника. Приобретя в лице России Родину, Кантемир был разлучен с ней навсегда, поскольку под предлогом дипломатической миссии в Англию, а затем во Францию, где он и скончался, ему была уготована ссылка. Это было закономерно, поскольку Кантемир поистине был поэтом-пророком, а пророки, как отмечает А.Мень, «...видели причины исторического зла... поэтому их нередко встречают камнями» [Мень 2002: 94].

Размышления о молчаливом одиночестве и жизни как житии мы находим и у самого А.Кантемира – в I сатире:

Таковы слыша слова и примеры видя,
Молчи, уме, не скучай, в незнатности сидя.
Бесстрашно того житье, хоть и тяжело мнится,
Кто в тихом своем углу молчалив таится

[Кантемир 1988: 22]

Далее у М.Н.Муравьева, как и положено в житийном жанре, идет характеристика его жизни: «Знал правду, пел ее...» [Муравьев 1967: 168]. Это

уже – прямое указание на проповедь, которую Кантемир нес своим творчеством.

И завершает эпитафию Муравьев словами о ранней кончине Кантемира: «рано небом взят». Смерть Кантемира, как и любого святого в житии, была трудной и преисполненной испытаний. Кантемир был болен, жаждал вернуться в Россию, но это ему так и не удалось. Тем не менее, несмотря на жизненные испытания и терзания пророка в жизни, потомки находят в нем, в обращении к его личности и к его творчеству, успокоение.

Мифологический образ Кантемира мы находим у Муравьева и в «Разговорах мертвых». Один из эпизодов в «Разговоре мертвых» писатель построил как разговор Кантемира с Горацием, поэтом, который был особо ценным Кантемиром. Здесь Муравьев последовательно выделяет все основные заслуги, которые были достигнуты Кантемиром. Нужно отметить: речь Горация интересна тем, что он говорит о своей миссии, отождествляя ее и с миссией Кантемира; Гораций считает Кантемира своим преемником: «Мы не полагали счастья <...> в приобретении тленных удовольствий роскоши и богатства. Мы искали, что истинно и прилично, и сообщали соотечественникам своим сей вкус прекрасного и любовь мудрости. <...> Ты сказывал истинную смеюся» [Муравьев 1819, 1: 378-379].

Далее Муравьев устами Горация высказывает и еще более важную для него мысль – о том, что Кантемир останется «...более известен тем, что был первый стихотворец своего народа, нежели тем, что представлял величество его в Англии и Франции» [Муравьев 1819, 1: 379]. Муравьеву удалось почувствовать в личности Кантемира стремление к благодарности своим учителям. В данном случае учителем Кантемира выступает Гораций, которому Кантемир благодарен за данную «...полную систему нравоучения самого здорового в посланиях остроумных и естественных» [Муравьев 1819, 1: 380]. И опять же Муравьев, вкладывая эти слова в уста Кантемира, говорит о нем как о поэте-пророке: вся правда – не от него самого, Кантемир отдает в этом плане дань уважения и благоговения – Горацию, называя его «...Творцом нового

рода стихотворства». Если в эпитафии Муравьев говорил о детстве, о самом главном на жизненном поприще поэта, о его смерти, то в эпизоде из «Разговоров мертвых» он показывает нам Кантемира, уже приобщившегося к вечности, как человека, который, подобно святым, переживает за свой горячо любимый народ. Так, он искренне и глубоко радуется заслугам Ломоносова и Сумарокова, при этом самое важное для него – то, что своим делом они, его преемники, приносят пользу многим. Так, говоря о Ломоносове, Кантемир отмечает, что Ломоносов «...даровал согласие и величие Слову российскому» [Муравьев 1819, 1: 380].

Таким образом, говоря о Кантемире, Муравьев выстроил полную парадигму, отражающую житийную схему, с помощью которой в полной мере раскрывается незаурядная личность Кантемира, и как поэта, и как общественного деятеля, и просто как человека, которому небезразлична судьба своего народа, своей страны.

Литература

- Благой Д.Д. История русской литературы XVIII века. М., 1960.
 Буранок О.М. Русская литература XVIII века. Петровская эпоха. Феофан Прокопович. М., 2005.
 Ельшевская Г.В. Модель и образ. М., 1984.
 Кантемир А. Д. Сатиры и другие стихотворные сочинения. Кишинев, 1988.
 Карамзин Н.М. Избранные сочинения. СПб., 1848.
 Мень А. Библия и литература. М., 2002.
 Муравьев М.Н. Полн.собр.соч. Т.1. СПб., 1819.
 Муравьев М.Н. Стихотворения. Л., 1967.
 Панченко А.М. О русской истории и культуре. СПб., 2000.
 Растягаев А.В. Агиографическая традиция в русской литературе XVIII века... Самара, 2007.

Ю.В.Судавная

Елец, Елецкий государственный университет им.И.А.Булгакова

«Век крылатый»: орнитологические образы

в торжественной поэзии XVIII века

Торжественная русская поэзия XVIII века стала выражением «пафоса формирования русской нации и Российской империи нового типа, становления и утверждения русской национальной культуры» [Сазонова 1991: 128].